

15 ИЮЛ 1944

А. П. Чехов и А. М. Горький в Ялте.

Чехов и наше время

Для многих полной неожиданностью явился следующий факт: в разгар гражданской войны Ленин находил время уделять пристальное внимание Чехову и его творчеству. В номерах «Книжной летописи» за 1917, 1918 и 1919 годы не было ни одной книги сочинений Чехова или о Чехове, оставленной Лениным без пометки, означавшей просьбу доставить ее ему. Более того, из 223 книг, перечисленных в № 9 «Книжной летописи» за 1919 год, была затребована Лениным только одна, и это была чеховская книга!

В этом сказались живая и глубокая ценность Чехова, как действующей активной силы, для данного дня, для данной эпохи.

Такой силой является Чехов и сейчас. Самый объем и характер интереса миллионов читательских масс, проявляемого в наши дни к творчеству и личности Чехова, менее всего походит на интерес к музейной реликвии, хотя бы и самой драгоценной. Нет, это интерес к участнику нашей текущей жизни, к могучему возбудителю эмоций и мыслей, питающих нашу деятельность. Это объясняется прежде всего тем, что в основе творчества Чехова лежит непримиримая враждебность ко всякого рода косности и мракобесию. Юношеская бездельность Чехова, с которой начинать его литературная деятельность, — «Письмо к ученому соседу», высмеивающая самодовольное невежество, и последний его рассказ «Невеста», с его лейтмотивом: «главное — перевернуть жизнь», — в этом смысле принципиально одинаковы. Чехов дал целую гамму сатирических портретов косных людей (Львов из «Иванова», помещик — «жаба» Рашевич из рассказа «В усадьбе», Лидя Волчаннинова из «Дома с мезонином», профессор Серебряков из «Дяди Ваня» и т. д.), крупнейшие его вещи почти целиком посвящены изображению гнетущей косности («Палата № 6», «Моя жизнь», «Три года» и др.).

Презвычайно характерно, что образ «человека в футляре» — Беликова был использован товарищем Сталиным в его характеристике врагов советского народа.

Чехов был непримиримым врагом косности в общественной жизни и в быту, в науке и в литературе, в приемах воспитания и в искусстве, в театре. Всякого рода консерватизм и рутину Чехов распознавал с какою-то сверхъестественной чуткостью.

Исследователи творчества Чехова уже не раз останавливались перед одним странным противоречием, сопровождавшим появление на сцене «Вишневого сада». В процессе долгой работы над пьесой Чехов неоднократно и неизменно указывал в своих письмах, что это будет веселая комедия. Уже перед самой отправкой рукописи в Москву он писал к жене: «Последний

акт будет веселый, да и вся пьеса веселая, легкомысленная», и это, несмотря на то, что своею же рукой следил в пьесе целый ряд ремарок о различных персонажах: «плачет», «рыдает», «горько плачет» и т. д.

Тотчас после получения и прочтения «Вишневого сада» создатели МХАТ'a сообщили автору в письмах и телеграммах свое первое впечатление, совершенно открыто расходясь при этом с Чеховым в оценке тональности пьесы. Станиславский твердо заявил: «Это не комедия, не фарс, как вы писали, — это трагедия». В том же духе высказался и Немирович-Данченко.

Автор мнения своего несколько не изменил и, например, в письме от 10 апреля 1904 года, т. е. почти три месяца спустя после появления «Вишневого сада» на сцене, жаловался жене: «Почему на афишах и в газетных объявлениях моя пьеса так упорно называется драмой? Немирович и Алексеев в моей пьесе видят положительно не то, что я написал, и я готов дать какое угодно слово, что оба они ни разу не прочли внимательно моей пьесы».

Тон этих строк исключает всякую мысль о шутке, и как ни кажется это маловероятным — Чехов был прав по самому существу вопроса: конечно, Станиславский и Немирович-Данченко читали его пьесу с глубочайшим вниманием, но читали ее не глазами «социальными глазами».

Ни одного «социального злодея» не вывел Чехов в своем «Вишневом саду»: и Рашевская, и Гаев, и Симеонов-Пищик, и Фирс, и Варя — все они милые, добрые люди, и когда они страдают и плачут, то по-человечески их жалко, но страдания их не того сорта, которые заслуживают маломальски глубокого сочувствия, сочувствия существу их драмы. Их слезы не слишком горьки и елки даже для них самих. Мы не сомневаемся, что Рашевская заплачет, а через полчаса смахнет слезы и весело, беззаботно покатит в Париж домытывать теткин денежный подарок, а Гаев разрешит все свои «трагедии» привычным: «режу желтого в серию». Это — не персонажи трагедий, это — отжившие нелюбимые, загромаждающие жизнь, и очень хорошо, что они очищают ее для новых молодых побегов. Не они, по замыслу Чехова, подсказанному его социальным чутьем, определяют тональность пьесы, а те, кто восклицает: «Да здравствует новая жизнь!»

Новое, свежее неудержимо влекло к себе Чехова. Это делает его активным соратником в той борьбе нашего народа со всем устарелым, обветшавшим, которая так характерна для страны, преобразенной Великой Октябрьской революцией, для на-

рода, всюю своею мощью устремленного вперед.

Есть в творчестве Чехова нечто особо важное, что сливается его с нашей эпохой нераздельно. Это культ человеческого достоинства. Чеховская печаль и тоска были наиболее глубоки, когда он созерцал картины унижения человеческого достоинства, и его радость была наиболее светлой и полной, когда он встречал живые воплощения этого культа. Слова, которые он занес в свою записную книжку: «Какое наслаждение уважать человека!» были, без всяких риторических преувеличений, путеводной звездой всей его жизни.

В рассказе «Крыжовник», одном из наиболее совершенных своих созданий, Чехов с тоскою вопрошал устами своего героя: «Вы есылаетесь на естественный порядок вещей, на законность явлений, но есть ли порядок и законность в том, что я, живой, мыслящий человек, стою надвоем и жду, когда он зарастет сам, или затянется его илом, в то время как, быть может, я мог бы перескочить через него или построить через него мост? И опять-таки, во имя чего ждать? Ждать, когда нет сил жить, а между тем жить нужно и хочется жить!»

Русский народ «перескочил» через овраг, построил через него «мост», названное которому — революция.

Чехов твердо верил в наступление прекрасной жизни, но вера эта воплотилась у него лишь в мечту.

Эта мечта — о важнейшем, о достойной человеческой жизни. Мы счастливы, что узнали к ней твердый путь, вступили на него, идем по нему, а герои Чехова этого счастья были лишены. Разве та титаническая борьба, в которой льется кровь наших сынов и братьев, не есть борьба за достойную человеческую жизнь с мрачными силами зла, стремящимися навязать нам недостойную жизнь рабов? И разве может быть ближе и дороже какому-либо иному поколению писатель, кажда строчка которого пропитана страстной мечтой о достойной человеческой жизни, чем поколению, вкусившему великую социальную радость конкретного и быстрого воплощения этой мечты?

И когда задаешь себе вопрос: что побуждало Ленина уделять такое внимание Чехову в самый разгар революции и гражданской войны, и почему в самый острый момент всей исторической жизни нашей страны Сталин поместил имя Чехова в перечне тех, кто символизирует ее неукрушимую мощь, — то ответ может быть лишь один: Чехов — великий патриот нашей Родины, живой участник нашей сложной, трудной и славной борьбы за счастье народное, за достойную человеческую жизнь.

А. ДЕРМАН.